

Глава первая

Залив Гулливера, Корнуолл, 1937 год

Неукротимый пыл, охватывавший преподобного Миллара всякий раз, когда он вещал с церковного амвона, преображал викария, словно по волшебству, и внимавшая ему паства видела перед собой исполина, великана с блестящим, как бильярдный шар, лысым черепом, розовыми, как у мальчика-хориста, щеками и кустистыми бровями, которые, стоило викарию удариться в рассуждения, оживали и, наподобие двух напившихся гусениц, изгибались самым причудливым образом. Шепелявость могла бы сделать из викария посмешище, если бы страстная, искренняя вера и мудрость не пропитывали каждое произносимое им слово. Преподобный Миллар вдохновлял и зажигал сердца паствы — все сердца, за исключением одного.

Флоренс Лайтфут сидела посреди церковной скамьи вместе с бабушкой и дедушкой, Джоан и Генри Пинфолдами, дядюшкой Реймондом, сестрой Унифред и мамой Маргарет. Пока все, держа спины прямо, тарачились на викария, Флоренс не отрывала глаз от скамьи по другую сторону прохода, где столь же чинно и чопорно восседало семейство Дашей. Флоренс притворялась, что увлеченно слушает преподобного Миллара, и временами, чтобы ни у кого не возникло в том и тени сомнения, благосклонно кивала или издавала одобрительный смешок, но, откровенно говоря, не улавливала

из проповеди ни звука, так как все внимание сосредоточила на девятнадцатилетнем Обри.

Здравомыслящая Уинифред определяла чувства младшей сестры метким словом «втюрилась». Но Флоренс, которой стукнуло без четверти восемнадцать, упорно заявляла, что Уинифред ошибается. «Втюрилась» предполагало что-то поверхностное и быстро проходящее, напоминало ей детскую увлеченность куклами — мимолетную забаву, оставляющую лишь горькие сожаления о бездарно потраченном времени. Чувства же, питаемые ею к Обри Дашу, вне всякого сомнения, были намного глубже и долговечнее. Флоренс не допускала и мысли, что когда-нибудь перестанет любить Обри. Ибо Флоренс любила его. Любила безоговорочно и безусловно. Флоренс знала, что такое настоящая любовь. Она прочла столько любовных романов!

Загвоздка состояла в том, что Обри не замечал Флоренс. Серьезный, как и все прихожане, Обри неподвижно сидел, выпрямив спину. Вдруг викарий рассказал какую-то шутку, и Обри скривился: вокруг его губ и глаз собрались лукавые морщинки, и юноша, сдержанно фыркнув, расплылся в улыбке. Улыбка Обри произвела на Флоренс эффект разорвавшейся бомбы. Девушку охватила эйфория, и грудь ее расширилась от неземного восторга, родственного религиозному экстазу. Заметь преподобный Миллар волнение Флоренс, и он, несомненно, воодушевился бы, приписав девичьи переживания своему красноречию. Приоткрыв рот, Флоренс в немом обожании созерцала Обри. Острый локоть сестры, захвативший ей под ребра, вернул ее с небес на землю, точнее, на церковную скамью. Флоренс обернулась и смерила Уинифред уничижительным взглядом. Уинифред ответила ей тем же и постучала изящными ноготками, покрытыми красным лаком, по молитвеннику,

призывая Флоренс сосредоточиться на проповеди. Тщетно. Не в обычае Флоренс было следовать приказам или подчиняться правилам. О нет — приказы и правила только побуждали ее мятежный дух изыскивать новые способы неповиновения. Несколько минут она неотрывно смотрела на викария, а затем, почувствовав, что бдительность сестры ослабла, вновь обратила взор на Обри, как на негасимый маяк, сияющий ей в темноте.

Обри был до невозможности красив. И с возрастом его красота только расцветала. Флоренс тянуло к нему с тех самых пор, как ей открылась разница между мальчиками и девочками. В паре миль от залива Гулливера высился гигантский особняк с теннисным кортом и бассейном — владения семейства Дашей. А вокруг расстилались принадлежавшие им обширные угодья и пастбища, поскольку Уильям Даш, отец Обри, мнил себя джентльменом-землевладельцем. Особняк бабушки Флоренс, хоть и уступал по размаху обиталищу Дашей, превосходил соседскую усадьбу великолепным видом на море и собственным пляжем. От поместья Дашей его отделяла лишь коротенькая велосипедная дорожка. Учитывая, что Уинифред была одних лет с Обри, а близнецы Джулиан и Синтия, брат и сестра Обри, — ровесники Флоренс, не было ничего удивительного в том, что оба семейства сдружились.

Даши были многочисленным кланом, и во время школьных каникул их особняк наводняли родственники всех возрастов. В отличие от Маргарет, матери Флоренс, которая после свадьбы отправилась с мужем вначале в Египет, а после в Индию и оттого растеряла почти всех английских подруг, родители Обри родились и выросли в Корнуолле и знали в окрестностях всех и каждого. С легкостью и присущим только им изумительным вкусом, восхищавшим жителей графства, они проводили долгие летние месяцы, устраивая

званные вечера, организовывая пикники, лодочные прогулки и теннисные турниры и с неутомимым энтузиазмом вовлекая в свой круг новых знакомых. Их радушие не знало границ. На их семейном гербе, обзаведись они таковым, несомненно, блистал бы девиз: «Чем больше, тем веселее». Иное дело — Маргарет Лайтфут. Робкая и впечатлительная, она впадала в беспросветное отчаяние, когда наступала пора благодарить хозяев соседних усадеб за гостеприимство и приглашать их хотя бы на самый скромный ужин. Чтобы не тронуться рассудком, она перекладывала хлопоты на плечи надежной, предусмотрительной и хладнокровной Уинифред, истинной дочери своего отца, и плечи Джоан, добрейшей и терпеливейшей матери, снисходительно относившейся к слабостям Маргарет. О Флоренс речи не заходило: от этой избалованной эгоистки никто помощи не просил и не ждал.

И хотя пиршественные обеды и ужины завоевали Маргарет репутацию добросердечной хозяйки и произвели благоприятное впечатление на многочисленные семейства, проживавшие в заливе Гулливера, семейство Даш продолжало вносить разлад в душевный покой матери Флоренс. Уже одно то, что в сравнении с элегантной и изысканной Селией Даш, с волшебными иссиня-черными волосами, Маргарет Лайтфут казалась себе облезлой гиеной, вздумавшей тягаться со светской львицей, лишало ее последних капель уверенности. Что до Уильяма Даша, не уступавшего Селии в красоте, то особый шарм ему придавали безмятежная расслабленность и манеры человека, заботившегося лишь о теннисных турнирах да о черном лабрадоре Хантере, постоянно удиравшем в город. Перемена погоды землевладельца Уильяма Даша не волновала. Основной доход он получал от наследственных капиталов, а не от росших на его полях злаков. Не тревожил он себя

и заботами о домашнем хозяйстве, так как тем ведала Селия. Под ее командованием беззаветно преданные ей повара, горничные, дворецкие, садовники и шоферы работали как хорошо отлаженный механизм. Селия обладала неоценимым даром: она умело внушала слугам, что, кроме них, с этой работой никто не справится, а их поле деятельности — вотчина, где они являются законными властелинами. Слуги преисполнялись гордости и трудились не покладая рук, доказывая свою незаменимость. У Маргарет волосы на голове шевелились от ужаса, когда она представляла, что за бесчисленные благодеяния Уильяма и Селии рано или поздно наступит расплата и ей придется пригласить Дашей на ужин.

Флоренс треволения матери не касались, и тем утром в церкви она прожигала взглядом спину Обри, хотя Обри — поразительно! — никак на это не реагировал. Конечно, Флоренс не блистала классической красотой, однако шаловливый задор и живость ума придавали ей особый шарм в глазах большинства мальчишек-сверстников. Большинства, но не Обри. По неведомым Флоренс причинам Обри был поглощен незнакомой девицей, свалившейся этим летом на Дашей как снег на голову. Старинная французская приятельница Селии прислала к Дашам дочь, чтобы та попрактиковалась в английском. И теперь Обри Даш не отрываясь смотрел на точеную фигурку Элиз Дюжарден, девушки с темными испуганными глазами олененка, выскочившего на неведомую полянку. Вероятно, его очаровали ее настороженная беспомощность, неземная хрупкость, своеобразие и аристократичность. Она сидела перед ним на скамье, зажатая с боков его крепко сбитыми двоюродными сестрами Бертой и Джейн Клэрмонт, и не походила ни на одну девушку, когда-либо виденную им в церковной общине.

На Флоренс французенка впечатления не произвела, и Флоренс, скользнув по ней равнодушным взглядом, тотчас о ней позабыла. Обычная серая мышь, только курчавая. Опасности не представляет. Опасность — и немалую — представляли совсем другие девушки залива Гулливера. Например, две ее явные соперницы: высокая, женственная Натали Картер или огненно-рыжая Джинджер Лейтли. Обе на год старше Флоренс и гораздо искушеннее ее. Кудрявая французенка не годилась им и в подметки, смотри на нее или не смотри. И что только Обри в ней нашел?

Служба кончилась. Прихожане высыпали на улицу и, нагуливая аппетит перед воскресной домашней трапезой, по устоявшейся традиции сбились в кучки, дабы посплетничать и обменяться новостями. Даши, как водится, пригласили на воскресный обед викария. Обри задержался на церковном пороге, благодаря преподобного Миллара, и Флоренс краем уха уловила, как викарий сказал:

— Тешу себя надеждой послушать твой французский.

Обри смущенно хихикнул.

— Боюсь, наша гостья сочтет мое знание языка удручающим.

«О чем это они?» — мысль мелькнула в голове Флоренс и тут же пропала — подошла ее очередь жать руки преподобному Миллару и возносить хвалы его неподражаемой проповеди, из которой девушка не слышала ни слова.

День радовал солнцем и освежающим ветром, дувшим с залива Гулливера. Церковь из серого гранита, возведенная в тринадцатом столетии, за годы своего существования претерпела немало изменений, и последняя реставрация, случившаяся в девятнадцатом веке, наградила ее черепичной крышей, на коньке

которой примостились три чайки, с неодобрением посматривавшие на спящих внизу прихожан. Увенчанная зубчатыми бойницами и четырьмя высокими угловыми башенками церквушка, напоминавшая средневековый замок, веками противостоявший ударам ливней и бурь, разнежившись, подставляла стены обжигающе-горячим объятиям лета. Лишь когда белая тучка заслоняла собою солнце, по стенам строения ползли причудливые и немного зловещие тени. И все же подлинную жизнь в эту обитель святости привносили не игры света и тени, а гулявшие и беседовавшие подле нее люди. В скромной и дружной общине залива Гулливера многие узнавали друг друга не только по одежде или походке, но и по голосам, особенно если те принадлежали возбужденным молодым женщинам, трещащим без умолку, как сороки. Но кто бы не тараторил на их месте? Последние месяцы перед этим благословенным летом выдались богатыми на события, и девушкам было что обсудить: и восшествие на престол короля Георга Шестого, и кадровые перестановки в коалиционном правительстве — отставку премьер-министра Стэнли Болдуина и назначение на его должность Невилла Чемберлена, и заявления рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера о его намерении вторгнуться в Чехословакию. О войне, однако, почти не упоминали: разрушительные последствия недавней бойни еще не стерлись из людской памяти, и никто не верил, что найдутся безумцы, желающие снова повергнуть мир в прах. И только убеленные сединами старцы, словно натасканные на лис мудрые гончие, тревожно втягивали ноздрями воздух, чуя грядущее зло.

Флоренс отыскала взглядом Обри: пробравшись через толпу и вежливо раскланявшись с соседями, он присоединился к тройке девушек, оживленно болтавших на газоне. Флоренс сразу признала Берту и Джейн

Клэрмонт, а вот робко жмущаяся к ним смуглая незнакомка в темном платье ее озадачила. Кто она? И почему Обри направился прямо к ней?

— А это, дорогая Флоренс, Элиз Дюжарден, — зажурчал у нее над ухом голос миссис Уорбуртон, более известной среди прихожан как Радио Сью, пышногрудой вдовы и местной сплетницы, нисколько не сомневающейся в праведности своего дела — собирать и распространять слухи.

— Здравствуйте, миссис Уорбуртон, — поздоровалась Флоренс.

Обычно Флоренс избегала встреч с Радио Сью, но сегодня у женщины было то, что Флоренс стремилась заполучить любой ценой, — информация.

— Какое-то французское имя, — протянула она, вспомнив, как в разговоре с викарием Обри отозвался о своем знании, точнее, незнании французского языка.

— Разумеется, французское, — фыркнула миссис Уорбуртон, — раз принадлежит француженке. Ее маман, да будет тебе известно, познакомилась с Селией в Сорбонне. И Элиз намеревается провести у Дашей целое лето. Кошмар, правда? Все лето гостить в чужом доме. Я так считаю: гость — он что рыба, понерестился пару дней, и до свидания. Но у Дашей безграничное терпение, не так ли? Девчушка вроде ничего собой не представляет, но, как и в каждой француженке, в ней есть изюминка.

Смакуя эту самую «изюминку», наделявшую Элиз неизъяснимым очарованием, миссис Уорбуртон зажмурилась. Флоренс так и подмывало согласиться с первой частью ее высказывания, но она сдержалась — она никогда не думала дурно о незнакомых людях и предпочитала вначале пообщаться с ними и уж потом составить о них собственное мнение. Кроме того, она

не горела желанием давать Радио Сью лишний повод для сплетен. Даже в столь юном возрасте семнадцатилетней Флоренс хватало ума понять, что друг из миссис Уорбуртон никудышный.

— Как мило, что Обри взял девушку под свое крыло, — нежно улыбнулась Флоренс, наблюдая, с какой рыцарской преданностью Обри опекает застенчивую незнакомку, втягивая ее в общий разговор. — Ей, должно быть, очень у нас неуютно.

Миссис Уорбуртон заколыхалась от смеха, и бледно-лиловый жакет на ее груди предательски затрещал — вот-вот лопнут петли, и пуговицы разлетятся в разные стороны. Любая одежда на миссис Уорбуртон казалась на размер меньше.

— О, за этими тихонями нужен глаз да глаз, — заговорщически прошептала она. — Обри Даш — блестящая партия. Неужто ты думаешь, мадам Дюжарден отправила любимую дочку через Ла-Манш, чтобы та всего-навсего подтянула английский?

— Обри всего девятнадцать! — возмутилась до глубины души оскорбленная Флоренс.

Да как у Радио Сью язык повернулся такое предположить? Обри никогда ни на какой Элиз Дюжарден не женится! Абсолютно очевидно, что Обри женится только на Флоренс Лайтфут!

— Ставки высоки, и глупа та женщина, которая все пустит на самотек. Такой лакомый кусочек, как молодой Обри Даш, уведут у нее из-под носа, не успеет она и глазом моргнуть. Особенно если тыл соперницы прикрывает решительная и целеустремленная мать. Потом меня вспомнишь, я знаю, о чем говорю. Четырех дочек удачно пристроила, и все счастливы. Правда, я ничего не отдавала на волю случая.

— А эти Дюжардены — кто они, вы случайно не знаете?

— Богачи. — Миссис Уорбуртон жадно затрепетала ноздрами. — Толстосумы. На дворе, само собой, не девятнадцатый век, но старые привычки не умирают. Выгодная партия есть выгодная партия, а перезвон денег заглушает сердечные вздохи. Так уж заведено в этом мире. И ничего ты тут не изменишь.

До этой минуты семейное благосостояние, в представлении Флоренс, не играло ни положительной, ни отрицательной роли в счастливом замужестве. До этой минуты Флоренс вообще не задумывалась о деньгах. Ее отец, военный, сражался на полях Первой мировой, где потерял двух братьев, а после служил в Индии, в Семнадцатом пенджабском полку. В Индии Флоренс и родилась. Она немного помнила эту страну: и заснеженные пики величественных Гималаев, видневшихся из окон их дома в Шимле, и болезнь отца — его желтушное, осунувшееся лицо. В Индии отец подхватил спру — тропическую диарею, редкое, поражающее органы пищеварения заболевание, — и превратился в развалину. Ему пришлось выйти в отставку, вернуться в Англию и прозябать на мизерную пенсию. А вот бабушка и дедушка Флоренс, жившие вместе с прислугой в огромном особняке в заливе Гулливера, купались в деньгах. После смерти отца именно благодаря дедушке, а не завещанным отцом средствам, насколько понимала Флоренс, их семья и поддерживала достойный образ жизни. «Но хорошо это или плохо?» — размышляла она, с интересом и даже некоторой ревностью поглядывая на Элиз Дюжарден. Если Селия Даш и мадам Дюжарден действительно плетут коварную интригу, не разобьют ли они ее мечты о юном Обри?

Скорее домой! Порасспросить обо всем Уинифред. Она точно знает, что к чему. Однако не успела Флоренс повернуть к дому, как ее перехватил мистер Фойл, местечковый подрядчик, и ей пришлось поболтать

с ним, так как обрывать его на полуслове было бы неучтиво. Когда же она наконец ворвалась в гостиную «Мореходов», то чуть не задохнулась от сигаретного дыма и пьянящего аромата хереса. Дедушка Генри и дядя Реймонд, холостой брат ее матери, курили сигареты в эркере, а бабушка, Маргарет и Уинифред беседовали, полулежа на диване. Именно так обычно и проходили семейные посиделки: мужчины собирались в одном углу гостиной, женщины — в другом. Дедушку Генри женские тары-бары не интересовали, а дядюшку Реймонда не интересовали женщины как таковые: он хранил верность только одной любимой женщине — своей матери.

Поняв, что план посеCRETничать с Уинифред провалился, Флоренс скорчила кислую мину и бухнулась на диван рядом с сестрой. Разговор крутился вокруг проповеди преподобного Миллара. Флоренс подавила зевок и надулась: она терпеть не могла бесед, не касавшихся ее лично.

— А тебе понравилась проповедь, Фло? — ухмыльнулась Уинифред, зная, что Флоренс все пропустила мимо ушей.

— Религии мне в школе достаточно. Не хватало еще летние каникулы тратить на церковные нравоучения.

Встревоженная Маргарет бросила на дочь испуганный взгляд.

— Только не вздумай сболтнуть такое при дедушке, — прошипела она. — Нельзя же быть такой неблагодарной.

— Но я же не говорила, что мне не нравится школа! Я просто сказала, что мне не нравятся школьные службы. Слышала бы ты преподобного Минчина! Из самого песок сыпется, а все гундосит себе и гундосит каждое воскресенье. Самое смешное, что некоторые девочки не одну, а целых три службы посещают: богослужение

первого часа, утреню и вечерню. Полный мрак. Так и хочется обратиться в другую веру.

Флоренс картинно закатила глаза: она любила разыгрывать драмы. Ни Маргарет, ни тихая, никогда не повышающая голоса бабушка Джоан не знали, как быть со своенравной и дерзкой Флоренс, и потому отослали ее в школу-интернат. Надо признать, это пошло ей на пользу: там ее научили манерам и этикету и привили какие-то зачатки дисциплины; однако отца и его строгой и управляющей руки ей явно недоставало.

— Я слышала, в конце учебного года ты играла в спектакле, — ободряюще улыбнулась Джоан, надеясь отвлечь внучку от бунтарских мыслей и перевести разговор в более безопасное русло.

— Да! — сверкнула глазами Флоренс. Когда речь заходила о театре, ее охватывало пламенное воодушевление. — Я исполняла главную роль в «Двенадцатой ночи».

— Ты была Виолой? — уточнила Джоан.

— Ага. И я блистательно справилась.

Флоренс горделиво улыбнулась. Она знала, что сыграла Виолу отменно.

— А по-моему, — хмыкнула Унифред, потягивая из бокала херес, — ты немного переигрывала.

— Да что ты понимаешь? — свирепо накинута на нее Флоренс. — Ты в жизни на сцене не выступала!

— Я думаю, ты была бесподобна, — утихомирила ее Маргарет. — По правде говоря, я слышала, как сидевший передо мной господин признался, что такой изумительной Виолы он никогда раньше не видел. Он сказал: ты дала фору ведущим актрисам лондонских театров.

— Да он пошутил, — отмахнулась от ее слов Унифред.

— Нет, он говорил вполне серьезно, — возразила Маргарет.

— Вы не забыли, что я намереваюсь стать актрисой? — напомнила им Флоренс.

Джоан метнула испуганный взгляд на сидевшего в эркере мужа, но тот, увлеченный беседой с Реймондом, остался глух к крамольным речам внучки.

— Мне кажется, — мягко осадил ее Флоренс, — в жизни есть занятия поинтереснее театра. И какое-нибудь из них тебя вскоре обязательно увлечет.

— Сомневаюсь. Я твердо решила стать великой актрисой.

— Боюсь, твоему отцу это не понравилось бы. Вряд ли он пустил бы тебя на сцену, — жалобно проворчала Маргарет и беспомощно оглянулась на старшую дочь, ища у нее поддержки.

— Это верх неприличия, Фло, — бросила Уинифред.

— Верх неприличия? С чего вдруг, Уинни?! С того, что я — благовоспитанная юная леди? И кем же мне, по-твоему, стать? Фрейлиной при королевском дворе? И разгуливать в миленьком белом платьице, держа в обтянутых перчатками руках букетик фиалок? — Флоренс презрительно расхохоталась. — Ты какой-то пережиток Средневековья, Уинни! Мой идеал — женщины, которые сами распоряжаются своими судьбами, а не сидят сложа руки в ожидании женихов.

— Помнится, кто-то собирался выйти замуж за Обри Даша.

Флоренс насупилась и вздернула подбородок.

— Одно другому не мешает. Можно быть замужем и жить полной жизнью, Уинни!

Заметив застывшую в дверях горничную, Джоан предостерегающе вскинула руку:

— Девочки, пора обедать, — затем поглядела на Флоренс, расплылась в улыбке и примирительно сказала: — Солнышко, поверь, когда ты выйдешь замуж, на тебя

обрушится столько всевозможных забот, что тебе станет не до театра.

Флоренс, не желая пререкаться, промолчала. Не питая особого почтения к сестре и матери, она тем не менее глубоко уважала старшее поколение: и бабушку, и дедушку.

— Что тут за сыр-бор разгорелся вокруг театра? — пророкотал дедушка Генри, гася окурки и устремляя на младшую внучку грозный взгляд. Его свисающие, как у моржа, усы затрепетали. — Не желаю ничего слышать. Твой отец в гробу перевернулся бы. Скакать по театральным подмосткам — взбредет же такое в голову!

Поманив за собой Флоренс, дедушка прошествовал в коридор, а оттуда — в столовую. Каблуки его лакированных туфель дробно стучали о деревянные половицы. Вслед за дедушкой и Флоренс потянулись остальные домочадцы.

— Я вовсе не замшелый пень и не намерен возводить препоны своей дочери или внучке. Напротив, если они желают трудиться — пусть трудятся. Работа благотворно воздействует на ум, а я убежден, что женский ум нуждается в развитии не меньше, чем мужской.

Дедушка потрепал Флоренс по плечу:

— Не расстраивайся, мы подыщем тебе занятие по душе.

— Но я хочу работать в театре, дедушка, и ни за что не отступлюсь.

— Мы с тобой это уже обсуждали, дорогая. Еще один год поучись вести себя как настоящая леди, а затем мы снова поговорим о твоём желании стать актрисой, если к тому времени ты, конечно, не передумаешь. Осмелюсь предположить, что через год твои мысли будут заняты совершенно другим.

Вообразив себе свадьбу, детишек и прочие женские хлопоты, Генри Пинфолд усмехнулся.

— Я в твоём возрасте мечтал быть пожарным, — встрял дядя Реймонд.

Флоренс, смеясь, обернулась:

— Ты меня разыгрываешь!

— Ну, возможно, я тогда был несколько младше тебя.

— Полагаю, «намного младше» будет ближе к истине, дядя Реймонд. Между желанием разматывать пожарный шланг и оценивать антиквариат в аукционном доме «Бонхамс» пролегает бездна.

— Зато теперь у него собственное дело, — горделиво заметил дедушка Генри, — и ты можешь устроиться к нему на работу. Сортировать папки или готовить ему чай. Ты как, Реймонд, не против?

— Разумеется, нет. Фло, если тебе захочется поработать, я с радостью тебя найму.

— Ой, только не это, — захохотала Флоренс. — Ничего хуже придумать невозможно. Не подумай, что мне не понравилось бы работать на тебя, дядя Реймонд, но, мне кажется, я умерла бы с тоски, если бы каждый день разглядывала бездушные статуэтки. Как представлю себе это — аж глаза слипаются.

— Уверяю тебя: у нас разыгрываются трагедии похлеще, чем в театре, — воскликнул дядя.

Они сели за стол и приготовились к молитве.

— Все возможно, — уступила Флоренс, хотя насколько не сомневалась, что трагедии в мире актеров не идут ни в какое сравнение с трагедиями в мире антикваров.

Только после обеда Флоренс удалось пообщаться с Уинифред с глазу на глаз. Они вышли в сад, и Уинифред затянулась взятой у матери сигаретой. Невдалеке,

переливаясь в лучах солнца, сиявшего в прозрачной небесной сини, расстилалось море.

— Красотища, правда? — спросила Уинифред и вздохнула: — Люблю это время года. Мы только-только приехали, и впереди у нас целое лето.

— Угу, — кивнула Флоренс. — Будь моя воля, я вообще никуда отсюда не уезжала бы. Почему нет, в самом деле? Почему мама живет в Кенте, хотя все ее родные — здесь?

— Потому что в Кенте она познакомилась с папой и в Кенте они жили, когда вернулись из Индии.

— Глупости. Мама должна продать дом в Кенте и купить жилье здесь.

— Думаю, она не захочет.

— Но нельзя же все время цепляться за прошлое! Сколько времени прошло с папиной смерти! Почему она не вышла замуж во второй раз?

— Господи, Фло, иногда ты поразительно наивна.

Уинифред покачала головой, но Флоренс не сдавалась.

— А что такого? Папа давным-давно умер.

— Всего семь лет назад.

— Большой срок.

— У взрослых время течет по-другому. Кроме того, мама, наверное, и не собирается повторно выходить замуж. Она любила папу. Невозможно представить кого-то на его месте.

— Ты скучаешь по нему, Уинни?

— Беспрестанно.

Уинифред глубоко затянулась сигаретой и уголком рта выпустила струйку дыма. Флоренс нахмурилась.

— Я бы тоже хотела сказать, что скучаю по нему «беспрестанно», но не могу. Я его почти не помню. Помню смутно какую-то расплывчатую фигуру. Помню, что он болел.

— Ты была еще маленькой. Мои воспоминания о папе намного ярче.

— Он был богат?

Уинифред в изумлении уставилась на сестру:

— Ну и вопросы ты задаешь. С чего вдруг?

— И все же он был богат? — наседала Флоренс. — Почему никто не говорит о деньгах? Дедушка за нас платит или папа завещал маме достаточно средств?

Уинифред сощурилась:

— Какая-то птичка тебе что-то напела, верно?

— Никто мне ничего не напел. — Флоренс отвела глаза и посмотрела на море: — Просто мысль пришла в церкви. Мы с тобой, ты и я, мы — выгодная партия?

— «Выгодная партия»? — развеселилась Уинифред. — Нет, тут без птички не обошлось. Ну, кто тебе что напел? Выкладывай.

— Ладно-ладно. Радио Сью сказала, что та француженка...

— Элиз Дюжарден.

— Ты ее знаешь?

— Разумеется. Она же гостит у Дашей.

— Ну, в общем, она очень богата, и ее мать и миссис Даш надеются свести ее с Обри.

У Флоренс внезапно перехватило дыхание, а в груди стало тесно.

— А, теперь ясно. — Лицо Уинифред смягчилось. — Понятия не имею, является ли Элиз Дюжарден «молодой дамой, располагающей средствами», если перефразировать Джейн Остин, но одно я знаю точно — дедушка, на взгляд женщин, подобных Селии Даш, более чем состоятелен.

Сердце Флоренс забилося от радости.

— То есть дедуля богат? — в волнении спросила она.

— Не особо, но Селия далека от снобизма, и чужое благосостояние ее не интересует. У нее и без того денег

полно. Полагаю, если Обри влюбится в горничную, Селия примет ее как невестку с распростертыми объятиями. Так что, моя дражайшая сестренка, неважно, являешься ты «выгодной партией» или нет. Богатство и положение в обществе для Дашей ничего не значат. Важно только одно — чтобы Обри без памяти влюбился в тебя. — Уинифред сочувственно рассмеялась. — И вот эта задачка, Фло, может оказаться тебе не по зубам.

Флоренс воинственно выпятила челюсть. Если деньги и классовые различия для Дашей — пустой звук, значит, дорога свободна.

— У меня целое лето в запасе, чтобы влюбить его в себя, — уверенно заявила она.

— Не забывай, что в его глазах ты просто ребенок, — охладила ее Уинифред.

— «Что вы так боязливы, маловерные?»* — усмехнулась Флоренс. — Вероятно, я многого не знаю, но кое-что я знаю наверняка: в любом случае я скоро вырасту. В сентябре мне исполнится восемнадцать, а в следующем сентябре — девятнадцать. Затем двадцать, тридцать, пятьдесят и, Бог даст, семьдесят. Возможно, я доживу до восьмидесяти, так что два года разницы между мной и Обри — сущий пустяк.

---

* Новый Завет, Евангелие от Матфея, глава 8, стих 26.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

